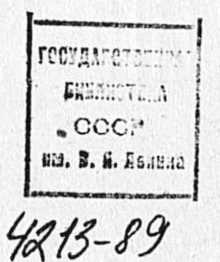
В. Бартольдъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО ТУРОКЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Типографія П. Ѳ. Вощинской. Ярославская ул., 1—9.

Изъ прошлаго турокъ.

„Гдѣ ступитъ копыто турецкаго коня, тамъ трава не растетъ“, говоритъ турецкая пословица. Какъ было замѣчено однимъ изъ русскихъ знатоковъ персидской литературы [1]), персидская мать до сихъ поръ поетъ о „туркѣ, пришедшемъ изъ Туркестана и утащившемъ женщину въ Индостанъ“, какъ въ русской пѣснѣ поется о „зломъ татарченкѣ“, сынѣ уведенной татарами въ неволю русской женщины.

Подъ вліяніемъ такихъ историческихъ событій и ихъ отраженія въ народной литературѣ, нерѣдко даже въ ученыхъ трудахъ высказывались крайне односторонія сужденія о туркахъ, какъ народѣ. Ключа къ объясненію исторической роли народа искали въ его расовыхъ свойствахъ, будто бы опредѣляющихъ не только его прошлое, но и его настоящее и будущее. Дѣйствія турокъ во время войны считали характерными для всего психическаго склада народа; въ связи съ дѣленіемъ человѣчества на высшія и низшія расы, въ туркахъ видѣли только злыхъ грабителей и убійцъ, у которыхъ нѣтъ и не можетъ быть ни понятія о правдѣ-справедливости и правдѣ-истинѣ, ни понятія о красотѣ.

---

[1]) В. А. Жуковскій въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1889 г., январь.

*

Самое вѣское возраженіе противъ такихъ расовыхъ теорій—указаніе на фактъ, что при неблагопріятныхъ для развитія культуры условіяхъ даже народы такъ называемой „высшей“ расы по преимуществу, индо-европейской, остаются дикарями, какъ въ Европѣ литовцы до XIII в., въ Азіи кафиры долинъ Гиндукуша до нашихъ дней. Иранцы-курды въ глазахъ своихъ сосѣдей еще болѣе неисправимые грабители и убійцы, чѣмъ турки; о безпощадной дикости и тупости курдовъ существуетъ много поговорокъ, и только ближайшее ознакомленіе съ бытомъ курдовъ, особенно съ ихъ народной поэзіей, вызвало какъ у западно-европейскихъ, такъ и у русскихъ изслѣдователей болѣе высокое мнѣніе о культурныхъ задаткахъ этого народа. Такая же противоположность между внѣшней дикостью народа и разнообразными мотивами его поэзіи наблюдается, какъ мы увидимъ, у нѣсколькихъ турецкихъ народностей.

Турки выступаютъ въ исторіи несравненно позже, чѣмъ индо-европейцы и семиты; слово „турокъ“ впервые становится извѣстнымъ въ VI в. по Р. Х., когда турки образовали обширную кочевую имперію, граничившую въ одно и то же время съ Китаемъ, Персіей и Византіей. Какъ индо-европейскіе литовцы, турки, еще не имѣя собственной культуры, вступили въ тѣсныя сношенія съ культурными народами и подчинились ихъ вліянію, чѣмъ затруднялось созданіе національной культуры и преемственность культурнаго развитія, тѣмъ болѣе, что при обширности занятыхъ турками степей одно вліяніе смѣнялось другимъ. Изъ этихъ вліяній однимъ изъ послѣднихъ по времени, но самымъ сильнымъ было вліяніе персидско-мусульманской культуры. Исламъ исповѣдуется теперь огромнымъ большинствомъ турокъ; внѣ мусульманской пропаганды остались немногія турецкія народности, какъ жившіе вдали отъ путей мірового культурнаго общенія алтайцы или рано оттѣсненные на сѣверъ якуты. До послѣднихъ десятилѣтій XIX в. наука не знала другой турецкой письменности, кромѣ мусульманской. Было извѣстно, что турки до принятія арабскаго алфавита употребляли „уйгурскій“, названный такъ по имени народа турецкаго происхожденія, часть котораго вела кочевую жизнь и съ 744 до 840 года стояла во главѣ сильнаго кочевого государства въ Монголіи; другая часть рано перешла къ осѣдлости въ мѣстности къ сѣверу и югу отъ восточнаго Тяньшаня, гдѣ теперь находятся города Турфанъ, Гученъ и другіе. Было доказано, что уйгурскій алфавитъ происходитъ отъ сирійскаго; происхожденіе его связывалось съ христіанской пропагандой, о которой были и историческія извѣстія; знали, что среди уйгуровъ, кромѣ христіанъ, были также буддисты и манихеи (послѣдователи Мани, выступившаго въ III в. по Р. Х. въ Персіи и называвшаго себя преемникомъ Будды, Заратустры и Христа); но даже уйгурскій алфавитъ былъ извѣстенъ только по рукописямъ мусульманскихъ сочиненій. Положеніе измѣнилось только послѣ открытія въ 1885 г. въ Семирѣченской области средневѣковаго (XIII—XIV в.в.) христіанскаго кладбища, причемъ среди надписей оказались турецкія, и въ особенности послѣ ряда научныхъ экспедицій конца XIX и начала XX в.в. въ Китайскій Туркестанъ, гдѣ удалось добыть, хотя большею частью только въ отрывкахъ, значительное число памятниковъ буддійской, манихейской и христіанской литературы на турецкомъ языкѣ.

Еще до этихъ экспедицій, въ 1893 г., датскимъ ученымъ Томсеномъ былъ открытъ ключъ къ чтенію надписей, которыя оказались памятниками турокъ,

еще не подвергавшихся никакой религіозной пропагандѣ. Надписи, особенно на берегахъ Енисея, давно обращали на себя вниманіе путешественниковъ; отмѣчалось даже сходство нѣкоторыхъ буквъ съ европейскими, напр., латинскими; но разборъ надписей сдѣлался возможенъ только послѣ открытія въ 1889 г. русской экспедиціей Ядринцева, въ долинѣ рѣки Орхонъ, памятниковъ, гдѣ, кромѣ текста неизвѣстныхъ письменъ, былъ текстъ китайскій, благодаря которому оказалось возможнымъ опредѣлить, кому поставлены памятники, и о комъ говорится въ надписяхъ. Оказалось, что мы имѣемъ здѣсь алфавитъ переднеазіатскаго происхожденія, приспособленный къ звукамъ турецкаго языка. Въ русской научной литературѣ эти надписи обыкновенно называются „орхонскими“, языкъ же—„орхонскимъ“.

Орхонскія надписи (VIII в.) принадлежатъ воинственному народу, ставившему на могилахъ своихъ героевъ изваянія по числу убитыхъ ими враговъ, но по содержанію и формѣ отнюдь не свидѣтельствуютъ о безнадежной дикости писавшихъ. Тщательно выработанное и строго проведенное правописаніе показываетъ, что существовала значительная письменность, съ тѣхъ поръ, повидимому, исчезнувшая безслѣдно. Надписи составлены отъ имени хана и проникнуты династической тенденціей; но въ то же время признается, что династія возвысилась благодаря народному движенію. Пятьдесятъ лѣтъ народъ находился подъ игомъ китайцевъ; его „крѣпкіе сыновья“ сдѣлались рабами, его „чистыя дочери“—рабынями; дворяне (беки) утратили турецкія названія, приняли китайскія и „отдавали свои труды и силы“ „китайскому хану“. Тогда „весь черный народъ“ возсталъ противъ чужеземнаго ига, съ которымъ примирилось дворянство, и сталъ говорить: „Я былъ народомъ, имѣвшимъ государство; гдѣ мое славное государство? Я былъ народомъ, имѣвшимъ хана; гдѣ мой ханъ? какому хану отдаю я свои труды и силы?“ Съ такими словами народъ поднялъ возстаніе; китайцы выслали многочисленное войско; но божества турокъ, „турецкое небо“ и „турецкая священная земля и вода“ сказали: „Да не погибнетъ турецкій народъ“. Небо дало народу новыхъ властителей, отца и мать того хана, отъ имени котораго составлена надпись.

Источникомъ всѣхъ благъ для турецкаго народа считается война; но ханъ ведетъ войну не для себя, а для народа; благодаря его подвигамъ, голодный народъ получаетъ пищу, нагой народъ—одежду; чтобы доставить все это народу, хану и его сподвижникамъ приходится трудиться „до полнаго изнеможенія“. Подобно героямъ Иліады, ханъ и его сподвижники должны быть храбрыми въ битвѣ и мудрыми въ совѣтѣ. Женщины пользуются уваженіемъ; кромѣ неба и земли, единственное божество, упоминаемое въ надписяхъ—Умай, до сихъ поръ почитаемое алтайцами, какъ „добрый духъ, хранитель младенцевъ“; съ этимъ божествомъ ханъ сравниваетъ свою мать. Величайшее несчастіе для народа—гибель или уводъ въ плѣнъ женщинъ.

Ханъ знаетъ, что враги ведутъ борьбу не только оружіемъ, и предостерегаетъ свой народъ отъ „сладкихъ рѣчей и изнѣживающихъ даровъ“ китайцевъ—по собственному признанію, не всегда успѣшно. По китайской оффиціальной исторіи тотъ же ханъ хотѣлъ построить въ своей ордѣ храмы Буддѣ и Лао-цзы, но его совѣтникъ уговорилъ его не дѣлать этого, такъ какъ „ученіе Будды и Лао-цзы дѣлаетъ людей человѣколюбивыми и слабыми, а не воинственными и сильными“. Вліяніе китайской культуры было такъ сильно, что турки не только съ дальне-восточ-

ными, но и съ передне-азіатскими религіями знакомились въ Китаѣ; четверть вѣка послѣ составленія надписей, въ 762 г., новый уйгурскій ханъ привелъ въ ту же мѣстность изъ тогдашней столицы Китая проповѣдниковъ манихейства. Въ надписи одного изъ послѣдующихъ хановъ, прославляющихъ это событіе, говорится о замѣнѣ убойной пищи растительной, о превращеніи страны убійствъ въ страну, гдѣ побуждаютъ къ добру.

Арабскій ученый IX в. считалъ манихейство, съ его проповѣдью воздержанія и миролюбія, причиной упадка могущества турокъ, какъ теперь европейскіе ученые съ распространеніемъ буддизма связываютъ упадокъ прежней воинственности монголовъ. Сомнительно однако, чтобы религія вообще могла имѣть такое вліяніе на политическую жизнь народа. Примѣръ христіанства показываетъ, что воинственные народы могли обращать религію мира и любви въ религію войны, и проповѣдники религіи не всегда находили нужнымъ этому противодѣйствовать. Турецкіе ханы-манихеи VII—X в.в. пользовались своимъ могуществомъ для поддержанія своихъ единовѣрцевъ въ Китаѣ и въ мусульманскомъ мірѣ; тибетцы именно послѣ принятія буддизма, въ VII в., впервые выступили въ роли завоевателей; даже въ Монголіи, когда наступили благопріятныя условія для возстановленія политической жизни, буддизмъ не помѣшалъ народу проливать кровь для достиженія этой цѣли, хотя главою новаго государства сдѣлался буддійскій первосвященникъ. Вопреки обычному мнѣнію, религія и на Востокѣ, какъ на Западѣ, оказываетъ вліяніе не столько на жизнь государствъ, сколько на личную жизнь людей, давая отвѣтъ на ихъ душевные запросы. Какъ было недавно отмѣчено однимъ изъ русскихъ оріента-

листовъ [1]), одна изъ характерныхъ чертъ такъ называемаго шаманизма (средне-азіатскаго и сибирскаго язычества)—вѣра въ загробную жизнь безъ ученія о загробномъ судѣ и возмездіи. Это ученіе приносилось чужими религіями и производило сильное впечатлѣніе, причемъ, какъ вездѣ, принятію и укрѣпленію новой вѣры болѣе содѣйствовалъ страхъ передъ адскими муками, чѣмъ надежда на райское блаженство. Призывъ къ покаянію подъ страхомъ адскихъ мукъ—главный мотивъ миссіонерской литературы, манихейской, буддійской и христіанской. Можно было бы думать, что мусульманство распространялось иными способами, что распространенію ислама содѣйствовали успѣхи мусульманскаго оружія, что воинственныхъ турокъ привлекли ученіе о войнѣ за вѣру и обѣщанныя павшимъ за вѣру чувственныя наслажденія въ раю. На самомъ дѣлѣ способы распространенія ислама не отличались отъ способовъ распространенія другихъ религій; арабское оружіе почти не коснулось земель, населенныхъ турками; исламъ распространялся среди турокъ исключительно путемъ проповѣди; проповѣдники говорили и говорятъ въ степи не о войнѣ за вѣру и райскихъ наслажденіяхъ, но о грѣхѣ и адскихъ мукахъ. Академикъ В. В. Радловъ, собиратель турецкой народной литературы, присутствовалъ при чтеніи мусульманской „поучительной“ пѣсни такого содержанія, такъ называемой „Джумъ-джума“, и видѣлъ, „съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слушатели слѣдили за словами пѣвца“, и какой ужасъ выражался на всѣхъ лицахъ при описаніи мученій грѣшниковъ. По мнѣнію ак. Радлова, „одна пѣсня Джумъ-джума болѣе содѣйствовала утвержденію ислама между кир-

[1]) Статья Н. И. Веселовскаго въ „Журн. Мин. Нар. Просв.,“ 1916 г., іюль.

гизами, чѣмъ сотни муллъ [2]), разъѣзжающихъ по степи“[3]). Новая вѣра принималась съ полнымъ сознаніемъ налагаемыхъ ею обязательствъ, и новообращенные иногда были лучшими мусульманами, чѣмъ жители тѣхъ странъ, откуда къ нимъ приходилъ исламъ; въ 1025 г. турецкій ханъ при свиданіи съ султаномъ Махмудомъ, владѣтелемъ Афганистана и большей части Персіи, удивилъ персовъ тѣмъ, что отказался пить вино. Обязательство абсолютной трезвости и теперь соблюдается турками въ большей степени, чѣмъ едва ли не всѣми прочими мусульманами.

Съ XI в. мусульмане, какъ прежде буддисты, манихеи и христіане, создавали для турокъ литературу на ихъ родномъ языкѣ, главнымъ образомъ нравоучительнаго содержанія; нѣкоторыя произведенія этой литературы имѣли большой успѣхъ; мистикъ XII в. Ахмедъ Ясеви, похороненный въ городѣ Туркестанѣ, до сихъ поръ остается образцомъ для средне-азіатско-турецкихъ народныхъ поэтовъ. Проповѣдники религіи вездѣ вступали въ борьбу съ преданіями языческой старины; въ смыслѣ уничтоженія и искаженія народныхъ преданій исламъ имѣлъ для турокъ такое же значеніе, какъ христіанство для Европы и буддизмъ для Монголіи. Кромѣ того, къ этому времени уже достигла высокаго совершенства персидская поэзія, которой увлеклись и турецкіе завоеватели. Только послѣ нѣсколькихъ вѣковъ, при Тамерланѣ и его потомкахъ, была сдѣлана попытка создать поэзію на турецкомъ языкѣ, въ подражаніе персидской; одинъ изъ поэтовъ этой плеяды, Миръ-Али-Ширъ, сдѣлался любимымъ поэтомъ образованнаго класса турецкихъ на-

[2]) Представителей мусульманскаго духовенства.
[3]) Ср. предисловіе къ III тому „Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ“.

родностей отъ Тобольска до Константинополя. Время Тамерлана и его потомковъ и въ другихъ отношеніяхъ было временемъ кипучей дѣятельности, о чемъ свидѣтельствуютъ остатки великолѣпныхъ построекъ этой эпохи; въ противоположность обычному представленію о турецкой лѣни, выразившемуся въ османской поговоркѣ: „османецъ въ телѣгѣ гоняется за зайцемъ“, Миръ-Али-Ширъ считалъ бездѣйствіе равносильнымъ смерти. Блескъ Герата, столицы султана Хусейна, гдѣ жилъ Миръ-Али-Ширъ, въ яркихъ краскахъ описывается султаномъ Бабуромъ, основателемъ царства Великихъ Моголовъ въ Индіи, который самъ принималъ выдающееся участіе въ литературной дѣятельности. Для Бабура Гератъ былъ лучшимъ городомъ на земномъ шарѣ, время султана Хусейна—„удивительнымъ временемъ“, гдѣ ко двору султана привлекались лучшія силы во всѣхъ отрасляхъ, и каждый старался создать лучшее, что могъ.

Однако и поэзія Миръ-Али-Шира была только подражательной; Миръ-Али-Ширъ старался доказать, что турецкій языкъ ничѣмъ не хуже персидскаго, и для этой цѣли писалъ на турецкомъ языкѣ произведенія въ родѣ тѣхъ, какія были извѣстны ему въ персидской литературѣ, иногда подъ тѣми же заглавіями. Созданная имъ турецкая поэзія не получила дальнѣйшаго развитія отчасти вслѣдствіе перерыва культурной работы, подъ вліяніемъ завоеванія Туркестана варварами-узбеками, отчасти потому, что и персидская поэзія, которой подражали турки, къ этому времени уже пережила эпоху своего расцвѣта и послѣ XV в. создавала только подражателей.

Подражательная искусственная литература не получила развитія на чуждой ей почвѣ и въ то же время убила народное творчество. Поэтическія народныя пѣсни мы находимъ только у тѣхъ турецкихъ народностей, которыя въ меньшей степени подчинились

вліянію персидской культуры, какъ у населенія Китайскаго Туркестана и въ особенности у кочевниковъ. И здѣсь сказывается вліяніе ислама и персидской культуры, но бытовыя условія настолько своеобразны, что полнаго сходства между литературой кочевниковъ и литературой осѣдлаго народа не можетъ быть. Эпическія пѣсни кара-киргизовъ, лирическія киргизовъ-казаковъ [1]) сохранили безыскусственность народной поэзіи; форму народныхъ произведеній принимаютъ у казакъ-киргизовъ даже тѣ разсказы о пророкахъ и духовные стихи, которыми проповѣдники ислама стараются замѣнить народныя сказки и пѣсни. У туркменъ, несмотря на сосѣдство съ Персіей, даже искусственная поэзія не дошла до мертваго подражанія и сохранила нѣкоторую свѣжесть и оригинальность. Туркмены—единственный турецкій народъ, имѣющій своего національнаго поэта; таковымъ всѣми туркменами, отъ Ставропольской губерніи до береговъ Аму-дарьи, признается жившій въ XVIII в. Махтумъ-Кули.

Туркменскій народъ своими разбоями заслужилъ себѣ болѣе дурную славу, чѣмъ едва ли не всѣ прочіе турки. Оправдывая ничѣмъ не вызванную кровавую экзекуцію 1873 года, Н. И. Гродековъ, впослѣдствіи туркестанскій генералъ-губернаторъ (нынѣ покойный), называлъ туркменъ „чернымъ пятномъ на земномъ шарѣ, стыдомъ человѣчеству, которое ихъ терпитъ"; для блага человѣчества, по его

[1]) Извѣстно, что русскіе по недоразумѣнію назвали „киргизами" многочисленный кочевой народъ, называющій себя только казаками. Слово „казакъ" появляется приблизительно въ одно и то же время въ Россіи и въ Средней Азіи для обозначенія степной вольницы. Названіе „киргизы" въ дѣйствительности принадлежитъ только народу, извѣстному у насъ подъ именемъ кара-киргизовъ (въ Семирѣченской области).

мнѣнію, слѣдовало истребить этотъ народъ, и приказъ объ истребленіи былъ „самымъ человѣколюбивымъ актомъ, который когда-либо былъ изданъ" [1]). Казалось бы, что въ поэзіи такого народа мы найдемъ только картины разнузданной дикости; въ дѣйствительности характеръ туркменской поэзіи совершенно иной. Воинственный поэтъ Кёръ-Оглу, рисуя образъ идеальнаго витязя, требуетъ отъ него, кромѣ мужества, безграничнаго гостепріимства и великодушія къ побѣжденному врагу; обязанность витязя „поднимать падающаго". Любимый поэтъ разбойничьяго народа, Махтумъ - Кули наполняетъ свои стихотворенія жалобами на тлѣнность благъ міра и призывомъ къ покаянію. Еще любопытнѣе небольшая пьеса того же поэта, написанная необыкновенно легкимъ и изящнымъ стихомъ. Въ ней разсказывается, какъ Али, зять пророка, однажды сидѣлъ за благочестивой бесѣдой со своими приближенными; вдругъ прилетаетъ голубь, спасшійся отъ когтей сокола, и проситъ у Али защиты; вслѣдъ за нимъ прилетаетъ соколъ, жалуется, что три дня не ѣлъ, и требуетъ, чтобы Али выдалъ ему его добычу. Али велитъ принести кинжалъ и хочетъ отрѣзать кусокъ мяса отъ своего бедра, чтобы соколъ насытился имъ и не требовалъ голубя; соколъ останавливаетъ его и говоритъ, что онъ и голубь—ангелы, присланные для испытанія Али. Соколъ и голубь вмѣстѣ улетаютъ, и этимъ кончается разсказъ, такъ мало соотвѣтствующій нашему представленію о поэзіи разбойничьяго народа.

Выходцами изъ того же туркестанскаго народа были турки, ушедшіе на западъ и создавшіе въ XI в.

[1]) М. А. Терентьевъ, „Исторія завоеванія Средней Азіи", II, 280.

имперію турковъ сельджукскихъ, въ XIV в. имперію османскую. Для этихъ турокъ, какъ для туркменъ, предкомъ ихъ народа былъ легендарный Огузъ-ханъ, хранителемъ народной мудрости—легендарный патріархъ-пѣвецъ Коркутъ. Разсказчиками преданій объ Огузъ-ханѣ и Коркутѣ были „узаны“—пѣвцы. Въ дошедшей до насъ „Книгѣ Коркута“ собранъ рядъ такихъ сказаній; въ концѣ каждаго разсказа говорится, что пѣснь сложена Коркутомъ, завѣщавшимъ ее пѣвцамъ со словами: „Послѣ меня пусть переймутъ и разсказываютъ ее пѣвцы, пусть слушаютъ ее отважные мужи съ открытымъ челомъ“. Пѣвецъ говоритъ о себѣ: „Съ кобзой [1]) въ рукѣ, отъ народа къ народу, отъ князя къ князю пѣвецъ идетъ; кто изъ мужей отваженъ, кто трусъ, пѣвецъ знаетъ“. Господствующій мотивъ сказаній—война между мусульманами и невѣрными; кромѣ ревности къ вѣрѣ, борцовъ воодушевляетъ культъ войны для войны; молодой человѣкъ становится полноправнымъ членомъ общества и получаетъ имя только послѣ того, какъ „отрубитъ голову, прольетъ кровь“. Въ то же время, однако, мы находимъ въ „Книгѣ Коркута“ яркіе образы сыновней и супружеской любви, мужества и непоколебимой вѣрности долгу передъ родомъ и племенемъ; является и турецкій Микула Селяниновичъ, овечій пастухъ (чобанъ), которому удается пристыдить гордаго богатыря.

Несмотря на свои высокія поэтическія достоинства, „Книга Коркута“ давно забыта турками и сохранилась только въ одной рукописи, находящейся въ Дрезденѣ. Въ культурныхъ областяхъ народъ не могъ сохранить завѣтъ, приписанный Огузъ-хану:

[1]) Инструментъ, перешедшій къ малороссамъ отъ турокъ.

„Всегда кочевать, не становиться осѣдлыми“; съ исчезновеніемъ прежняго быта исчезли и прежнія пѣсни. Народился искуственный литературный языкъ, которому языкъ народныхъ произведеній противополагается, какъ „грубое турецкое нарѣчіе“ (каба-турки); народилась подражательная поэзія, главный мотивъ которой, какъ и въ Средней Азіи,—благочестіе въ духѣ ислама или, какъ выражается русскій историкъ османской литературы проф. В. Д. Смирновъ, „религіозно-философскій піэтизмъ“. Тотъ же ученый сравниваетъ эту османскую поэзію съ поэзіей Жуковскаго и склоненъ объяснять характеръ послѣдней безсознательнымъ вліяніемъ наслѣдственности (Жуковскій, какъ извѣстно, былъ сыномъ турчанки). Одно изъ раннихъ произведеній османской мистической поэзіи, „Мухаммедійе“ Языджи-оглу достигло широкой популярности, распространившейся далеко за предѣлы политической Турціи, до Тобольска; но безпокойная жизнь имперіи мало способствовала культурному прогрессу, и ни въ эпоху расцвѣта мистической поэзіи персидскаго типа (XV—XVI в.в.), ни въ XIX в., когда началось подражаніе западно-европейскимъ образцамъ, османамъ не удалось перейти отъ талантливаго подражанія къ созданію національной литературы.

Проф. В. Д. Смирновъ заканчиваетъ свой „Очеркъ исторіи турецкой литературы“ [1]) краткой характеристикой „Отоманской имперіи“, которая „ни живетъ, ни умираетъ, а такъ какъ-то влачитъ свое существованіе, безъ сладостныхъ воспоминаній о доблестномъ прошломъ и безъ твердаго упованія на отрадное будущее“. Эти слова остаются справедли-

[1]) Изъ „Всеобщей исторіи литературы“, подъ ред. Корша и Кирпичникова, т. IV.

выми до сихъ поръ, несмотря на всѣ попытки реформъ и конституціи. Какъ я уже постарался выяснить для читателей „Ежемѣсячнаго Журнала“ [1], въ современной Турціи нѣтъ никакой государственной идеи, которая могла бы замѣнить устарѣвшую идею мусульманской военной державы. Даже конечный успѣхъ союзниковъ Турціи въ нынѣшней войнѣ не измѣнилъ бы ея судьбы, какъ не придалъ ей новыхъ силъ успѣшный для нея и ея тогдашнихъ союзниковъ результатъ Крымской кампаніи. Войнѣ, повидимому, суждено только рѣшить вопросъ, въ составъ какого европейскаго государства или протектората войдетъ послѣдній самостоятельный турецкій народъ. Потеря политической самостоятельности, конечно, не заставитъ многочисленный и даровитый народъ отказаться отъ стремленія къ національно-культурному самоопредѣленію; возможно даже, что именно отказъ отъ непосильныхъ государственныхъ задачъ дастъ турецкому народу необходимыя силы и средства, чтобы подготовить для себя лучшее культурное будущее.

---

[1] Ср. статью „Турція, исламъ и христіанство“ (1915 г., февраль).

